

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**Басни как источник пополнения фонда крылатых слов и выражений
русского языка**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения: очная

Проверка на объем заимствований:

82 % авторского текста

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована

« 09 » июня 2025 г.

и.о. зав. кафедрой русского языка и
литературы

Глухих Н.В. Глухих Н.В.

Выполнила:

студентка группы ОФ-524-075-5-1
Богомолова Арина Юрьевна

Научный руководитель:

канд. фил. наук, доцент
Куныгина Ольга Владимировна

Челябинск
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БАСНИ КАК ИСТОЧНИКА КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	5
1.1. Языковые маркеры басенного жанра	5
1.2. Басня как потенциальный источник крылатых слов и выражений: ..	14
1.3. Крылатые слова и выражения: лингвистическая и культурологическая перспектива	23
Выводы по первой главе	30
ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БАСНИ КАК ИСТОЧНИКА КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	32
2.1. Лексико-семантические особенности крылатых фраз и выражений.	32
2.2. Функционально-стилистический аспект употребления крылатых слов и выражений	42
Выводы по второй главе	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	57

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена непреходящим интересом к творчеству И.А. Крылова и его вкладу в развитие русского литературного языка, а также возрастающей значимостью изучения фразеологического фонда и его связи с культурным наследием народа.

Новизна нашего исследования заключается в комплексном анализе крылатых выражений, функционирующих в басенном дискурсе И.А. Крылова, с акцентом на их лексико-семантические характеристики и функционально-стилистическую специфику. В работе предпринята попытка систематизировать и классифицировать крылатые выражения на основе разработанной типологии, а также выявить их роль в формировании художественного образа и реализации авторского замысла.

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе крылатых слов и выражений, представленных в баснях И.А. Крылова.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить языковые маркеры басенного жанра;
- 2) рассмотреть басню как потенциальный источник крылатых слов и выражений, выявить предпосылки и механизмы их формирования;
- 3) проанализировать крылатые слова и выражения в лингвистическом и культурологическом аспектах;
- 4) разработать типологию крылатых выражений, представленных в баснях И.А. Крылова, на основе их лексико-семантических характеристик;
- 5) выявить и проанализировать функционально-стилистические особенности употребления крылатых слов и выражений в басенном тексте.

Объект исследования - басни И.А. Крылова.

Предмет исследования - лексико-семантические и функционально-стилистические особенности крылатых слов и выражений, представленных в баснях И.А. Крылова.

В нашей работе использованы следующие методы исследования: описательный, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод классификации и типологизации, а также элементы статистического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области фразеологии, лингвокультурологии, стилистики и истории русского литературного языка, в частности работы Д.А. Алимаматова, Л.С. Выготского, М.Л. Гаспарова, Д.Б. Гудкова, П.Ш. Джабраилова, В.П. Жукова, Д.А. Жукова, Т.А. Крепких, А.В. Кунина, С.В. Максимова, В.М. Мокиенко, Г. Н. Поспелова, Ш.М. Рамакнулова, Д.О. Сергань, К.П. Сидоренко, В.П. Степанова, Н.М. Шанского и др.

Структура работы: работа состоит из Введения, двух Глав, Заключения и Списка использованных источников. Первая глава посвящена теоретическим основам исследования басни как источника крылатых слов и выражений, вторая глава – практическому анализу басен И.А. Крылова с целью выявления и анализа крылатых выражений.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БАСНИ КАК ИСТОЧНИКА КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

1.1. Языковые маркеры басенного жанра

Басня как литературный жанр занимает важное место в культурном пространстве России XVIII столетия. Будучи древнейшим видом аллегорического повествования, басня претерпела значительные трансформации, обогащаясь новыми художественными приемами и отвечая запросам меняющегося общества [6, с. 7]. Изучение данного жанра на стыке литературоведения и языкознания позволяет выявить взаимосвязь между жанровыми особенностями текста и используемыми языковыми средствами, раскрывая глубинные механизмы формирования художественного смысла и дидактического воздействия. Выходя за рамки анализа сюжетных и тематических особенностей, языкознание обращается к изучению специфических черт басенного текста, проявляющихся на различных уровнях языковой структуры.

Согласно М.Л. Гаспарову, жанр басни представляет собой краткий дидактический рассказ, представленный в стихотворной или же прозаической форме и характеризующийся явно сформулированным моральным выводом, который придаёт повествованию аллегорическое значение [8, с. 34]. Такие исследователи, как М.В. Ломоносов, А.А. Потебня, Л.С. Выготский, Г.Н. Пospelов, Н.Л. Степанов, подчёркивали доминирующую роль аллегории в организации басенного текста. Аллегория в данном контексте понимается как система условных образов, репрезентирующих социальные отношения и типологические характеристики общества. В частности, зооморфные образы, часто используемые в баснях, приобретают устойчивое значение: образ льва традиционно олицетворяет жестокость и деспотизм, в то время как образ лисы символизирует обман и коварство; образ овцы или барана – безволие,

стадность и зависимость, олицетворяет слепое следование за толпой и отсутствие собственного мнения; образ свиньи - невежество, грубость, неблагодарность, приземлённость и часто символизирует людей, неспособных оценить что-то возвышенное и прекрасное; образ обезьяны - подражание, неразумность и желание казаться лучше, чем есть на самом деле, используется для высмеивания тех, кто не имеет собственных мыслей и просто копирует других; образ муравья – трудолюбие, организованность и предусмотрительность, часто противопоставляется беззаботным и ленивым персонажам; образ вороны – назойливость, глупость (если пытается подражать кому-то), иногда – долголетие (в зависимости от контекста) [15, с. 122].

Одним из структурообразующих элементов басни является мораль, представленная, как правило, в финальной части произведения в форме афористического изречения [3, с. 19]. Мораль выполняет дидактическую функцию, эксплицитно интерпретируя характеры персонажей и ситуацию, развернувшуюся в сюжете, и тем самым предлагая читателю определенную систему ценностей и моделей поведения. Этот прием усиливает дидактический потенциал басни, переводя конкретное нарративное содержание в плоскость универсальных этических принципов и норм социального поведения.

Отметим, краткая басня или её отдельный элемент называется «аполог». Повествовательная структура басни обнаруживает типологическую близость с жанрами фольклорной прозы, в частности, со сказками (особенно с сюжетами о животных), а также с новеллами и анекдотами; моралистическая составляющая басни коррелирует с жанрами пословиц и сентенций. Важно отметить, что один и тот же тематический материал может служить основой для создания произведений в рамках различных жанров, включая вышеупомянутые (басня, сказка, пословица и т. д.).

Проанализированные труды по специфике языковых параметров басенного жанра позволяют отметить следующее:

1) лексический состав басни характеризуется преобладанием конкретной лексики, часто с пейоративной или оценочной окраской, используемой для создания ярких образов персонажей и ситуаций;

2) синтаксическая структура басни тяготеет к простоте и ясности, что достигается за счёт использования простых предложений, прямой речи и минимального количества осложняющих конструкций;

3) активное использование тропов и стилистических фигур, таких как метафора, аллегория, ирония и олицетворение, является важным инструментом создания художественной выразительности и аллегорического подтекста;

4) для басни характерно использование диалогической формы, придающей повествованию динамичность и раскрывающей характеры персонажей через их речь;

5) просторечные элементы и разговорная лексика могут использоваться для создания эффекта реалистичности и приближения к народной речи;

6) жанровая специфика басни проявляется в использовании устойчивых формул и клише, таких как традиционное начало и концовка.

В рамках формальной типологии басенного жанра выделяются три основные разновидности: прозаическая, стихотворная и гибридная (сочетающая элементы прозы и поэзии) [16, с. 69]. В современной же литературной практике доминирует стихотворная форма, что объясняется её повышенной эффективностью в реализации широкого спектра выразительных средств, включая метафору, аллегория, иронию и другие тропы и фигуры, играющие важную роль в формировании дискурса басни [19, с. 7]. Прозаические басни, в свою очередь, характеризующиеся пониженной экспрессивностью и эмоциональной насыщенностью, занимают периферийное положение в жанровой системе. Отметим, что

сравнительный анализ лаконичных и структурированных прозаических басен Эзопа с подробными и экспрессивными стихотворными баснями И. А. Крылова демонстрирует преимущества поэтической формы в контексте жанра басни.

Гибридные басни характеризуются гетерогенной структурой, сочетающей прозаические описания и стихотворные диалоги/монологи персонажей. Данная композиционная модель, потенциально применимая в различных литературных формах, облегчает процесс когнитивной обработки текста реципиентом [25, с. 153]. Так, прозаические фрагменты способствуют формированию аналитического настроения и стимулируют рациональное осмысление содержания, в то время как поэтические элементы (диалоги и монологи) вносят динамизм, образность и повышают эстетическую привлекательность произведения. Кроме того, стихотворная форма предоставляет более широкие возможности для реализации инносказательных и аллегорических приёмов.

Диахроническое исследование объёма прозаических и стихотворных басен в античной литературе свидетельствует о тенденции к увеличению объёма стихотворных произведений. Римский философ-стоик, поэт и государственный деятель Сенека (около 4 до н. э.) подчёркивал, что содержание важнее объёма при оценке басни. Античные прозаические басни, отличающиеся лаконичностью (2- 10 простых предложений), фактически представляют собой дидактические притчи. Стихотворные басни, напротив, в 2-3 раза превосходят их по объёму [36, с. 675]. Увеличение объёма описательной части обусловлено стремлением соответствовать критериям художественной литературы и расширить спектр эстетического воздействия на реципиента. Таким образом, эволюция формы басни от лаконичной прозаической притчи к развернутому стихотворному повествованию отражает тенденцию к усилению художественной выразительности, расширению семантического пространства и оптимизации дидактического потенциала жанра, что

свидетельствует о его адаптации к меняющимся литературным и социокультурным контекстам.

Согласно С. Ю. Щербиной, «в связи с органической невосприимчивостью литературного текста к жёстким, негибким схемам перспективным представляется применение «динамической» концепции структуры басни» [44, с. 138]. Предлагаемый подход предполагает смещение фокуса внимания с эксплицитных, формальных характеристик произведения на анализ имманентных, глубинных связей, определяющих его структуру. Глубинная структура басни проявляется посредством константных параметров, таких как нарративность, лаконичность, аллегоричность (реализуемая посредством использования нереалистичных элементов в целях типизации), многозначность аллегорических образов, а также возможность дедуктивного выведения моральных императивов [42, с. 36]. В противовес этому, поверхностная структура характеризуется вариативностью, обусловленной переменными признаками, такими как специфика системы персонажей (преимущественно зооморфной), наличие явно выраженной морали и использование пуанта. В контексте данной концепции представляется релевантным учитывать взаимосвязь между моральным содержанием и комическим элементом, который может функционировать как средство усиления дидактического эффекта, а также как способ смягчения нравоучительности и повышения эстетической привлекательности текста.

Литературный критик, поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, В.А. Жуковский в труде «О басне и баснях Крылова» выделял четыре ключевые особенности, определяющие специфику жанра басни [13, с. 45]:

1) дидактическая функция: басня способствует осмыслению сложных жизненных ситуаций посредством представления их в упрощённой, наглядной форме, доступной для понимания широкой аудитории;

2) фантастический элемент и сравнительный анализ: басня предполагает перенос реципиента в вымышленный мир, что создает условия для сопоставления вымышленного и реального, стимулируя критическое мышление и осознание закономерностей социального бытия.

3) моральная оценка: неотъемлемой частью басни является моральный императив, выражающийся в осуждении отрицательных качеств, присущих персонажам [2, с. 14]. Этот аспект подчеркивает дидактическую направленность жанра и его роль в формировании нравственных ориентиров.

4) зооморфный или предметный код: в качестве действующих лиц в басне выступают не люди, а животные или предметы, что позволяет дистанцироваться от конкретных социальных реалий и создать обобщенные, аллегорические образы, обладающие универсальным характером. Использование зооморфных и предметных образов способствует усилению аллегорического звучания басни и расширению ее интерпретационного потенциала.

Выдающийся литературовед начала XX столетия Л.С. Выготский акцентирует внимание на амбивалентности восприятия басенного текста, отмечая потенциальный диссонанс между явно выраженной моралью и реакцией реципиента. Он также указывает на возможность выведения множества моральных установок из одного и того же произведения, что подчеркивает полисемантичность и интерпретационную гибкость басни [7, с. 287].

Следует также отметить, что эксплицитное выражение морали не является обязательным признаком басни как жанра. Эта точка зрения, обоснованная Г. Э. Лессингом, получила развитие в творчестве ряда авторов, осознававших наличие языковых средств и структурно-идейных параметров басни, обеспечивающих ее дидактическую функцию независимо от наличия эксплицитной моральной сентенции. Таким

образом, басня занимает промежуточное положение в континууме жанров, характеризующихся прямой и косвенной дидактичностью.

В свою очередь, прагматический аспект басни имманентно связан с ее морально-этической доминантой. Эффект ожидания, обусловленный исторически сложившимися канонами и конвенциями жанра, предопределяет рецептивную готовность реципиента к восприятию либо эксплицитной (авторской), либо имплицитной (интерпретируемой самостоятельно) морали [11, с. 39]. Следовательно, дидактическая направленность басни не сводится исключительно к эксплицитно выраженной авторской морали в форме сентенции. Этот тезис подкрепляется тенденцией отказа от прямых нравоучительных сентенций, наблюдаемой в творчестве ряда авторов, что свидетельствует об эволюции жанра в направлении снижения степени явной назидательности [44, с. 138]. Эта тенденция вынуждает современных баснописцев использовать более изощрённые и имплицитные методы воздействия на аудиторию. Тем не менее, автор-рассказчик, используя различные художественные приёмы и создавая определённую нарративную структуру, оказывает опосредованное влияние на процесс формулирования реципиентом собственной моральной оценки. Иными словами, даже при отсутствии эксплицитной морали автор создаёт фрейм, в рамках которого читатель активизирует свои когнитивные и моральные ресурсы для самостоятельного выведения смыслового содержания и формирования личного этического вывода.

Подчеркнем, в античный период и в эпоху Возрождения мораль, как правило, встраивалась непосредственно в текст и не выделялась графически [24, с. 134]. В научных исследованиях выделяют две основные концепции происхождения басни:

- 1) приоритет повествования: согласно этой концепции, повествовательная составляющая басни является первичной, поскольку жанр генетически связан со сказками о животных, которые, в свою

очередь, восходят к мифологическим прототипам. Использование «маскирующих» средств, таких как аллегория и персонификация, сближает басни с детской литературой и упрощает процесс восприятия.

2) приоритет морали: согласно другой концепции, моральный аспект басни является определяющим, поскольку этот жанр имеет сходство со сравнениями, пословицами и поговорками. Как и они, изначально басня служила вспомогательным инструментом аргументации и иллюстрации моральных императивов. Примечательно, что басни часто включают в себя элементы фольклора, демонстрирующие высокую степень адаптивности и интеграции в художественную структуру произведения. Моральное содержание басни может быть представлено в трёх основных формах: нравоучение, паремия и афоризм (иносказательное выражение, впоследствии приобретающее статус крылатой фразы) [29, с. 460]. Анализ соотношения этих элементов позволяет глубже понять специфику басенного жанра и его роль в формировании нравственных ценностей.

В начале XVIII века басня в России находилась в зачаточном состоянии, представляя собой в основном переводы и переложения произведений легендарного древнегреческого поэта-баснописца Эзопа, поэта из Древнего Рима Федра и французского баснописца XVII века Лафонтена [27, с. 21]. Однако постепенно в системе отечественной литературы она начала приобретать самобытные черты, отражающие национальные традиции и актуальные социально-политические реалии. Становление и развитие жанра басни отмечено деятельностью одного из крупнейших писателей русского классицизма А. П. Сумарокова (1717–1777), который, декларируя свою приверженность морально-дидактической направленности литературы («Доколе дряхлостью иль смертью не увяну, / Против пороков я писать не перестану...»), продолжил развитие национальной традиции басни. Так вплоть до начала XIX века жанр переживает период активного формирования, в который значительный вклад внесли такие авторы, как И. И. Хемницер, А. Е.

Измайлов и И. И. Дмитриев. Предыдущие этапы развития басни в русской поэзии представлены творчеством Симеона Полоцкого в XVII веке и А. Д. Кантемира и В. К. Третьяковского в первой половине XVIII века [23, с. 170].

Следует отметить, вершиной развития басенного в русской литературе традиционно считается творчество И.А. Крылова, обогатившего басенный дискурс. В дальнейшем наблюдается трансформация жанра в сторону сатирической и идеологической направленности, что нашло отражение в произведениях Кузьмы Пруткова и Демьяна Бедного, использовавших басенную форму для создания революционных и пародийных текстов [32, с. 39]. Подчеркнем, что эволюция жанра басни в русской литературе характеризуется не только сменой тематики и стилистики, но и изменением его функциональной роли: от морально-дидактической к сатирической и идеологической, что отражает изменения в социокультурном контексте эпохи.

Отметим, в литературной критике и читательской среде эпохи И.А. Крылов нередко удостоивался звания «русского Лафонтена», что отражало восприятие его творчества в контексте европейской традиции басенного жанра. Жан де Лафонтен (1621– 1695), французский поэт-баснописец, бесспорно, был авторитетной фигурой в этой области, что обуславливало естественность проведения параллелей между ним и Крыловым [33, с. 155]. Однако сравнительный анализ творчества двух писателей не ограничивается констатацией их принадлежности к одному жанру. Существенным аспектом данного сопоставления является выявление интертекстуальных связей, а именно установление факта заимствования Крыловым сюжетных мотивов из басен Лафонтена [39, с. 57]. Дальнейшее исследование в этом направлении предполагает анализ степени трансформации и адаптации заимствованных Крыловым сюжетов, а также выявление специфических черт его поэтики, обусловленных национальным и социокультурным контекстом, что позволит оценить

вклад Крылова в развитие жанра басни и определить его место в истории русской литературы.

Таким образом, подведем итог: языковые маркеры басни представляют собой совокупность лингвистических характеристик, отличающих этот жанр от других типов дискурса и формирующих его специфическую коммуникативно-прагматическую направленность. К числу таковых относятся, в частности, использование аллегии, реализующейся посредством антропоморфизации животных и предметов, тяготение к упрощённому синтаксису, обеспечивающему доступность восприятия, активное использование средств выразительности, таких как метафоры, эпитеты и сравнения, служащих для создания ярких и запоминающихся образов, а также наличие морали, сформулированной, как правило, в заключительной части текста и выполняющей функцию обобщения и дидактического наставления. Анализ данных языковых маркеров позволяет выявить закономерности формирования басенного дискурса и определить его место в системе жанров.

1.2. Басня как потенциальный источник крылатых слов и выражений

Генезис басенного жанра, восходящий к архаичным формам словесности, обуславливает его уникальный статус в контексте истории литературы и языка. Потенциал басни как источника крылатых слов и выражений определяется комплексом лингвистических и культурологических факторов [40, с. 242]. Во-первых, дидактическая интенция, имманентно присущая басенному жанру, создаёт благоприятную среду для концентрации афористических изречений. Мораль, эксплицитно представленная в финале или имплицитно интегрированная в нарративную структуру, отличается лаконичностью и семантической насыщенностью, что способствует её запоминанию и воспроизведению вне исходного контекста. Во-вторых, аллегорическая природа басенного дискурса, наделяющая зооморфные образы, артефакты

или абстрактные концепты антропоморфными характеристиками, обеспечивает универсальность и вариативность интерпретаций.

Конфликтные ситуации и сюжетные коллизии, разворачивающиеся в басенном нарративе, репрезентируют типовые модели человеческих взаимодействий и жизненных перипетий, а афористичные выводы, представленные в образной форме, приобретают обобщающий характер, применимый к различным сферам человеческой деятельности. Таким образом, аллегоричность и дидактичность басни формируют устойчивую основу для формирования фразеологических единиц, отражающих культурные ценности и социальные нормы [45, с. 138].

Филологический интерес к крылатым выражениям, генетически связанный с античной риторической традицией, получил лексикографическое оформление лишь во второй половине XIX века (в трудах И. Редникова (1883), С.В. Максимова (1891), М.И. Михельсона (1894), И.Е. Тимошенко (1897) и др.). На протяжении значительного периода времени изучение авторских устойчивых выражений оставалось прерогативой литературоведов, рассматривавших их преимущественно в контексте анализа художественных текстов и авторского стиля.

Лингвистическое изучение крылатых выражений активизировалось относительно недавно, что обусловлено влиянием теоретической и прикладной фразеологии, в которой российские учёные традиционно занимают лидирующие позиции. Катализатором этого процесса послужили экстралингвистические факторы, такие как интенсификация использования крылатых выражений в современной литературе и средствах массовой информации, а также потребности современных лингвистических теорий (анализ текста и интертекстуальности, теория стереотипов и клише, концепция национальной картины мира и т. д.) и прикладных дисциплин (лексикография, лингвострановедение, теория перевода и т. д.) [37, с. 99]. Таким образом, смена парадигмы в исследовании устойчивых выражений обусловлена интеграцией лингвистического и

культурологического подходов, что позволяет рассматривать крылатые выражения как значимый элемент языковой картины мира, репрезентирующий ценности, стереотипы и исторический опыт определенной лингвокультурной общности.

В рамках теории фразеологии отечественный языковед и лексикограф С.И. Ожегов предложил оригинальную классификационную модель, основанную на дихотомическом принципе, представленную в его работе «О структуре фразеологии» [28, с. 13]. Принимая во внимание принципиальные различия между крылатыми выражениями и другими типами фразеологических единиц, обусловленные различиями в их семантико-синтаксической организации (крылатые выражения, как правило, имеют структуру предложения и не являются семантическим коррелятом отдельной лексемы), С.И. Ожегов разграничивал фразеологию в узком и широком понимании. Фразеология в узком смысле, согласно Ожегову, охватывает «устойчивые словесные сочетания» и «фразеологические единицы языка», которые, наряду с отдельными лексическими единицами, выполняют функцию строительных элементов предложений. Фразеология в широком смысле, напротив, включает в себя разнообразные «тексты культуры», такие как пословицы, поговорки, крылатые выражения (определяемые С.И. Ожеговым как текстовые сегменты, обладающие законченным смыслом и функционирующие в речи как цитаты), формульные элементы сказок, афоризмы и другие устойчивые дискурсивные конструкции. Предложенная дихотомия позволяет чётко разграничить фразеологические единицы, выполняющие функцию лексических заменителей, и устойчивые текстовые фрагменты, обладающие автономной семантикой и используемые в речи как готовые речевые акты, что способствует более структурированному и дифференцированному анализу фразеологического состава языка и его функционирования в различных коммуникативных контекстах [21, с. 34].

С.В. Максимов в рамках исследования, направленного на изучение народной мудрости, приоритетным направлением обозначал поиск аутентичных источников, отражающих живую динамику народной жизни [22, с. 165]. В связи с этим анализу подвергались не классические литературные произведения, а фольклорные тексты, народные предания, верования и сказания, причем особое внимание исследователем уделялось отечественной старине, периоду зарождения пословиц и поговорок, характеризующемуся первобытной простотой и непосредственностью речи. Таким образом, методологический подход был ориентирован на эмпирическое исследование живого языкового материала, отражающего особенности народного мировоззрения и менталитета, в противовес анализу вторичных источников, опосредованных литературной обработкой.

Несмотря на общие признаки, выделяемые исследователями при определении понятия «крылатое выражение», многогранность этого феномена и его тесная связь с культурным контекстом обуславливают существование множества интерпретаций и подходов к его изучению в современной лингвистике. В.П. Жуков рассматривал крылатое выражение как «устойчивый оборот речи, обладающий экспрессивностью и способный воспроизводиться в готовом виде» [12, с. 19]. А.В. Кунин определял крылатое выражение как «разновидность фразеологической единицы, характеризующаяся особой структурой (часто предложение), семантикой (отражение культурных ценностей) и стилистической окраской (экспрессивность, образность)» [20, с. 154]. Особое внимание исследователем уделялось связи с культурой и экспрессивным качествам. Н.М. Шанский при рассмотрении природы устойчивых выражений акцентировал внимание на их экспрессивной стороне и крылатое выражение определял как экспрессивное изречение, вошедшее в широкое употребление благодаря своей меткости, образности и отражению общезначимых идей [41, с. 187]. Однако наиболее точное объяснение

рассматриваемого понятия было дано Д.Б. Гудковым, акцентирующим внимание на интертекстуальности и прецедентности крылатого выражения, которое он рассматривал как «прецедентный феномен, отсылающий к определенному источнику (тексту) и обладающий интертекстуальными связями» [10, с. 8], подчеркивал связь с культурным контекстом и способность вызывать ассоциации с определенным текстом или автором.

Отметим, что механизмы трансформации басенных фраз в крылатые выражения требуют детального анализа с точки зрения когнитивной лингвистики и дискурсивных практик. Этот процесс обусловлен, прежде всего, когнитивным механизмом абстрагирования и обобщения. Конкретные элементы фабулы, детали и характеристики персонажей постепенно подвергаются редукции в процессе когнитивной обработки, в то время как на первый план выходит квинтэссенция басенной мудрости, представленная в лаконичной и экспрессивной форме. Лингвистическая структура басни, как правило, отличается простотой и ясностью, что облегчает когнитивное усвоение и воспроизведение отдельных фрагментов текста [31, с. 15]. Важную роль также играет ритмико-интонационная организация басенного текста, особенно в стихотворных баснях, где ритм и рифма усиливают запоминание ключевых фраз.

Кроме того, повторяемость и цитирование басенных выражений в литературных произведениях, публицистических текстах и устной коммуникации способствуют закреплению их статуса как фразеологических единиц, придавая им устойчивость и широкую распространённость в языковом сознании носителей языка. Циркуляция басенных предложений в различных дискурсивных практиках приводит к их деконтекстуализации и реконтекстуализации, приобретению новых коннотаций и адаптации к меняющимся социокультурным условиям [32, с. 39]. Таким образом, басня, благодаря своим жанровым особенностям и сложным механизмам когнитивно-дискурсивного функционирования,

представляет собой продуктивный источник обогащения фразеологического фонда языка, отражающий его динамику и эволюцию.

Так, предваряя анализ источников и оригинальности басенного творчества И.А. Крылова, отметим, что творчество великого баснописца неразрывно связано с традицией басенного жанра, уходящей корнями в античность и получившей развитие в европейской литературе, его произведения не являются простым подражанием или переводом [38, с. 99]. Сопоставительный анализ позволяет выявить как элементы заимствования, так и признаки самобытности, обусловленные авторским видением и социокультурным контекстом.

Действительно, наиболее близкой к французскому первоисточнику является басня «Волк и Ягнёнок». Сопоставление начальных строк басни И.А. Крылова с дословным переводом первой строки басни Ж. де Лафонтена («У сильного всегда бессильный виноват» - «Доводы сильного всегда самые лучшие») демонстрирует тесную связь между текстами [35, с. 43]. Совпадение деталей, таких как измерение расстояния между персонажами в шагах, также указывает на знакомство Крылова с французским первоисточником.

Заимствование сюжетов, таких как «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Дуб и Трость», «Лягушка и Вол», «Разборчивая невеста», «Два Голубя», «Лягушки, просящие Царя», «Мор Зверей», у Ж. де Лафонтена, безусловно, не является случайным, учитывая восхищение Крылова французским баснописцем. Однако было бы упрощением сводить басни И.А. Крылова к «вольному переводу» произведений Лафонтена. За исключением «Волка и ягнёнка», русский баснописец существенно меняет смысловые акценты. Так, например, в басне «Стрекоза и Муравей» И.А. Крылов однозначно осуждает легкомыслие Стрекозы и поощряет трудолюбие и предусмотрительность Муравья, в то время как Ж. де Лафонтен в басне «Цикада и Муравей» критикует недостаток «госпожи

Муравьи», которая не желает давать займы даже под проценты [9, с. 34].

Стоит отметить, что Ж. де Лафонтен также не был первооткрывателем многих сюжетов, заимствуя их у античных баснописцев, таких как Эзоп, Бабрий и Федр. Некоторые сюжеты, например «Лиса и виноград», были непосредственно заимствованы Крыловым у Эзопа [30, с. 288].

Вместе с тем Крылову принадлежат и оригинальные басни, сюжеты которых укоренены в русской почве и отражают реалии конкретной исторической эпохи. Басня «Роща и Огонь» связана со встречей Наполеона и Александра I в Эрфурте в 1808 году, «Волк на псарне» - с попыткой Наполеона предложить мирные переговоры в конце войны 1812 года. Басня «Мартышка и очки» высмеивает модные туалеты конца XVIII века, «Собачья дружба» намекает на Венский конгресс 1815 года, а «Щука и Кот» - на генерала П. Чичагова. Сюжеты басен «Ларчик», «Квартет», «Лебедь, щука и рак», «Тришкин кафтан», «Ворона и курица» также являются оригинальными произведениями Крылова [34, с. 238].

Подчеркнем, творчество И. А. Крылова представляет собой сложный синтез традиций и новаторства. Басни Крылова, сохраняя связь с классическими образцами жанра, обогащаются самобытными сюжетами, отражающими российскую действительность и морально-этические ценности, что позволяет рассматривать их как уникальный вклад в русскую и мировую литературу.

Рассмотрим механизмы трансформации басенных фраз в крылатые слова на примере басен И.А. Крылова:

1) абстрагирование и обобщение: фраза отрывается от конкретного сюжета, приобретает более широкое значение, происходит метафоризация. Например, выражение из басни «Ворона и Лисица» *«Как сыр выпал – с ним была плутовка такова»* [17, с. 123] изначально было описанием конкретного случая обмана лисы, после - трансформировалось

в крылатое выражение, обозначающее готовность льстецов на всё ради выгоды, а также констатацию факта, что лесть часто бывает успешной. Абстрагирование от конкретных персонажей (вороны и лисы) и ситуации (сыр) позволило использовать фразу в более широком контексте межличностных отношений;

2) упрощение и адаптация языковой формы: фраза укорачивается, перефразируется, адаптируясь к разговорной речи. Например, выражение из басни «Лебедь, Щука и Рак» *«Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдёт...»* [17, с. 127] часто цитируется в сокращенном и адаптированном виде: *«Когда нет согласия», «Дело не пойдет на лад»*. Упрощение синтаксической конструкции и опущение части фразы (изначально - «В товарищах согласия нет») сделали выражение более удобным для использования в повседневной речи;

3) ритмико-интонационное и фонетическое оформление: ритм, рифма, звуковая выразительность способствуют запоминанию. Например, выражение из басни «Стрекоза и Муравей» *«Ты всё пела? Это дело: так пойдешь же, попляши!»* [17, с. 76] запоминается благодаря четкому ритму и рифме («дело» - «пела»), что облегчает её воспроизведение и цитирование. Ирония и пренебрежительная интонация, вкладываемые в эти слова, делают их особенно выразительными и подходящими для описания легкомысленного поведения;

4) социальное распространение и закрепление: цитирование в литературе, СМИ, устная передача, образовательная роль. Например, выражения из басни «Мартышка и Очки» *«Мартышка к старости слаба глазами стала», «Вертит Очками так и сяк: / То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, / То их понюхает, то их полижет»* [17, с. 99], *«Невежда так же в ослеплении бранит науки и всякий труд, не чувствуя, что он к ним слеп»* [17, с. 99], *«К несчастью, то же самое бывает и с нами: как часто люди способны на дело, но не умеют его делать»* [17, с. 99] трансформировались во фразы о близорукости людей по отношению к

науке, которая легко запоминается благодаря постоянному использованию в школьной программе и публицистике. Фразы стало использоваться для критики некомпетентности и нежелания учиться. Эти примеры демонстрируют, как различные аспекты басен Крылова способствуют превращению отдельных фраз в общеупотребительные крылатые выражения, обогащающие русский язык и культуру;

5) авторитет автора: известность автора повышает вероятность цитирования. Например, выражение из басни «Слон и Моська» *«Ай, Моська! знать, она сильна, что лает на Слона!»* [17, с. 101], высмеивающее хвастовство и наглость, благодаря широкой известности Ивана Андреевича Крылова, приобрело огромную популярность и часто используется для описания ситуаций, когда слабый пытается казаться сильным за счёт агрессии. Авторитет баснописца придаёт фразе дополнительный вес и убедительность;

б) узнаваемость и тиражируемость сюжета: популярность линии повествования способствует распространению фразы. Например, выражение из басни «Ворона и Лисица» *«Уж сколько раз твердили миру, / Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок»* [17, с. 102] широко распространена и часто используется в различных контекстах. Сюжет о том, как лиса обманула ворону с сыром, известен с древних времён, что способствует лёгкому пониманию и восприятию морали басни;

7) эмоциональная окраска и экспрессивность: выразительность способствует запоминанию и цитированию. Например, выражение из басни «Демьянова Уха» *«Поешь же, милый дружочек! Вот лесть, это – на завтра!»* [17, с. 43] передаёт навязчивость и неумеренность, а также полное игнорирование чужого мнения и чувств. Эмоциональная насыщенность и яркий образ делают эту фразу запоминающейся и часто используемой для характеристики навязчивых людей;

8) использование юмора и сатиры: юмор и сатира делают высказывания более привлекательными. Например, выражение из басни

«Гуси» *«Перед господами иной дурак / Дивится важности своей: / Хоть в нем и толку ни на грош, / А чванства что-то есть»* [17, с. 65] высмеивает бессмысленное чванство и самомнение. Юмор и сатира направлены на тех, кто кичится своим положением, не имея при этом реальных заслуг или ума. Сравнение с гусями, важно вышагивающими и демонстрирующими свою «значимость», делает басню смешной и запоминающейся, а мораль – более доступной и понятной. Фраза о том, что в человеке «нет ни гроша толку», но при этом он полон чванства, лаконично и остроумно характеризует подобных персонажей, делая её привлекательной для использования в повседневной речи.

Таким образом, басня как жанр с древними корнями и специфическими особенностями представляет собой один из наиболее плодотворных источников пополнения фразеологического фонда русского языка. Сочетание дидактической направленности, афористичности, аллегоричности, авторитета автора, узнаваемости сюжетов, эмоциональной выразительности и комического эффекта создает уникальную среду для формирования и распространения крылатых выражений. Процесс трансформации басенных фраз в крылатые выражения является сложным механизмом, включающим в себя абстрагирование, упрощение, ритмико-интонационное усиление и социальное закрепление. Басня не только передаёт моральные ценности и жизненные уроки, но и обогащает язык, делая его более выразительным, образным и адаптированным к различным сферам коммуникации, что подчёркивает её непреходящую культурную значимость.

1.3. Крылатые слова и выражения: лингвистическая и культурологическая перспектива

Феномен крылатых слов и выражений привлекает внимание исследователей различных направлений, представляя собой междисциплинарный объект изучения, находящийся на стыке

лингвистики, литературоведения, культурологии и истории. Так, крылатые выражения, по мнению языковедов, не только украшают речь, но и несут в себе определённую культурную и историческую информацию, являясь своеобразными «знаками эпохи» [21, с. 165]. Литературоведы же, традиционно занимавшиеся изучением природы устойчивых сочетаний в ткани художественного произведения, рассматривают их как важные элементы художественного текста, отражающие авторский стиль и мировоззрение [14, с. 298]. Также данные единицы способствуют созданию интертекстуальных связей, обогащая текст дополнительными смыслами и отсылками к предшествующей культурной традиции.

Среди лингвистов, внёсших значительный вклад в изучение крылатых выражений (далее – КВ), следует отметить В.П. Жукова, А.В. Кунина, Н.М. Шанского, С.Г. Гаврина, Д.Б. Гудкова и В.Г. Костомарова, чьи исследования раскрывают лингвистическую природу, структуру и функции этих устойчивых единиц в языке и речи.

Языковеды отмечают, что КВ обладают особой выразительностью и эмоциональным воздействием на читателя, усиливая его восприятие и понимание текста, являются своеобразными «кодами культуры», позволяющими расшифровать смыслы и значения, скрытые в текстах разных эпох [1, с. 391]. Так, изучение КВ в языковедческом аспекте позволяет глубже понять специфику художественного текста, его связь с культурой и историей, а также роль автора в формировании культурного пространства.

Во введении к словарю крылатых выражений из сферы искусства С.Г. Шулержкова отмечает, что во второй половине XIX века «филологический интерес к крылатым словам и выражениям, берущий начало в античной риторике, получил лексикографическую фиксацию и в течение длительного времени был предметом исследования преимущественно в рамках литературоведения» [43, с. 31]. В дальнейшем

крылатые выражения активно включались в языковую систему, способствуя ее обогащению и динамичному развитию.

Активизация лингвистического интереса к изучению крылатых выражений обусловлена влиянием развитой теоретической и прикладной фразеологии, в которой российская филологическая школа занимает ведущие позиции. Ключевым фактором, определяющим частотность употребления крылатых выражений, является их активное использование в современной литературе и публицистическом дискурсе, что, в свою очередь, привлекает внимание исследователей к этому феномену. Эта тенденция свидетельствует о растущей роли крылатых выражений как эффективного средства экспрессивности и интертекстуальности в публичном пространстве.

В.М. Мокиенко подчеркивает многогранность лингвистического изучения КВ на современном этапе. В частности, в его работе, посвященной крылатым словам, отмечается необходимость объективной оценки их языкового статуса и разграничения с другими текстовыми единицами. В качестве критериев дифференциации предлагаются три категориальных признака: «1) «паспортизация» конкретным текстовым источником, подразумевающая осознание носителями языка авторства данных единиц в той или иной степени; 2) «стереотипизированность» и воспроизводимость в готовом виде, не исключающая, однако, определенной вариативности; 3) «интертекстуальность», проявляющаяся в способности функционировать в качестве структурных элементов текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически (на уровне концептов и символов) или стилистически» [23, с. 171]. Таким образом, предложенная триада критериев позволяет более точно идентифицировать крылатые выражения и определить их место в системе языка и культуры.

Интертекстуальность является неотъемлемым аспектом басенного текста, проявляющимся в явных и скрытых отсылках к предшествующим литературным и фольклорным традициям. «Интертекстуальность, по

одному из новейших определений, – это «такие текстообразующие элементы, которые, имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста» [33, с. 155]. По мнению К.П. Сидоренко, различные терминологические обозначения, используемые исследователями для описания изучаемого явления, характеризуются концептуальной близостью. Сидоренко вводит понятие «интертекстема», определяя его как межуровневый реляционный сегмент содержательной структуры текста, охватывающий широкий спектр лингвистических уровней (грамматический, лексический, просодический, строфический и композиционный) и участвующий в формировании межтекстовых связей [34, с. 238]. Таким образом, интертекстема рассматривается как комплексный элемент текстовой организации, обеспечивающий взаимодействие между различными текстами.

В свою очередь отметим, басня часто апеллирует к универсальным архетипам и моральным дилеммам, что обеспечивает её понимание в различных культурных контекстах и создаёт предпосылки для интертекстуальных связей. Цитирование, аллюзии и реминисценции позволяют автору басни вступать в диалог с предшественниками, переосмысливая и трансформируя известные сюжеты и образы [19, с. 99]. Благодаря интертекстуальности басня становится многослойной и глубокой, обогащаясь дополнительными смыслами и коннотациями. Использование крылатых выражений, сформировавшихся на основе басенных текстов, также является проявлением интертекстуальности, поскольку эти выражения служат маркерами культурной памяти и активизируют в сознании читателя ассоциации с оригинальным текстом.

Крылатые выражения выполняют в речи важную и специфическую функцию, обеспечивая возможность экспрессивного и лаконичного выражения мысли, а также точной и краткой характеристики явлений,

ситуаций и человеческих взаимоотношений [42, с. 36]. С помощью крылатых выражений становится возможной передача широкого спектра эмоций, облеченных в отточенную литературную форму.

По определению В.И. Молоткова, крылатые выражения представляют собой «готовые формулировки человеческого опыта, жизненной мудрости, ёмкие обозначения типов, характеров и ситуаций, выражения восхищения и иронии, благоговения и насмешки, печали и шутки, а также многих других видов эмоций» [26, с. 165].

В современной социокультурной среде высказывания выдающихся философов, писателей, поэтов и государственных деятелей благодаря своей аксиоматичности приобретают статус крылатых выражений, представляя собой своего рода синтез и ценный фонд мировой и национальной культуры. Наряду с этим наблюдается тенденция активного проникновения иноязычных цитат в языковой обиход, что свидетельствует о расширении культурного пространства. Примечательным является парадоксальный аспект функционирования крылатых выражений, заключающийся в фактическом переходе авторских прав к цитирующему в момент цитирования [41, с. 21]. Широкое использование крылатых выражений отражает специфику национального характера, культуры и истории народа, являясь неотъемлемой частью национальной идентичности.

Определение объема понятия «крылатое выражение», установление четких критериев, отличающих крылатые выражения от других лексических единиц, и всестороннее описание их признаков представляет собой сложную задачу, что подтверждается разнообразием существующих определений [26, с. 43]. Такая неоднозначность свидетельствует о многогранности феномена крылатых выражений и необходимости дальнейших исследований в области лингвистики и культурологии.

Культура в широком смысле этого понятия выступает в качестве основного источника пополнения состава крылатых выражений [24, с.

243]. Источниками крылатых выражений являются различные сферы, в том числе античные мифы и библейские легенды, фольклорные произведения, мировая художественная литература, публицистика, мемуары, исторические документы и научные труды, а также высказывания политических и общественных деятелей. Категориальными свойствами крылатых выражений являются их устойчивость и широкая распространённость в речевой практике. Крылатые выражения дифференцируются по критерию общеизвестности, выделяя общеупотребительные и специализированные, функционирующие преимущественно в речи определённых социальных групп.

Несмотря на динамичный характер фонда крылатых слов, подверженного историческим изменениям, в русском языке выделяется устойчивое ядро. Это ядро представлено крылатыми словами, восходящими к русскому фольклору, античной литературе, памятникам христианской письменности, а также произведениям русских и западноевропейских авторов. Цитаты из произведений классической литературы составляют основу корпуса крылатых слов [31, с. 15]. Наряду с этим в устную речь определенной эпохи могут проникать высказывания популярных деятелей, формируя подвижную группу крылатых слов. Некоторые из них со временем утрачиваются, а другие продолжают функционировать без явной связи с первоисточником. Так, примером крылатого выражения, пришедшего из латинского языка, является фраза «*Veni, vidi, vici*» («Пришёл, увидел, победил»), которую, согласно Плутарху, произнёс Юлий Цезарь в 47 г. до н. э. после победы при Зеле над Фарнаком II, царём Понта [29, с. 460]. Этот пример иллюстрирует процесс трансформации и деперсонализации крылатых выражений в языковой системе, когда изречение утрачивает связь с конкретным автором и становится достоянием коллективного знания.

Отметим, стремление к систематизации крылатых выражений в языкознании привело к разработке типологий, основанных на различных

критериях. Согласно статье М. Веллера «Технология рассказа» в зависимости от характера передаваемой информации выделяются следующие типы [5, с. 43]:

1) гномические крылатые выражения, обобщающие человеческий опыт, выражающие жизненную мудрость и транслирующие философский смысл. Примерами являются: «*Нет пророка в своем отечестве*», «*Век живи — век учись*», «*Что посеешь, то и пожнешь*», «*Рожденный ползать летать не может*» и «*Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни*» [18, с. 99]. КВ этой категории отражают мировоззренческие установки различных народов и социальных групп;

2) характеризующие КВ, образно выражающие суть явлений, характеров, ситуаций или отношений. Примером может служить цитата «*А Васька слушает да ест*» [18, с. 95], метафорически описывающая ситуацию игнорирования советов и продолжения неправомерных действий;

3) эстетические КВ, характеризующиеся ценными прежде всего своей выразительностью и оригинальностью формы. Примерами могут служить поэтические строки: «*Мороз и солнце; день чудесный!*», «*Зима! Крестьянин, торжествуя...*»;

4) юмористические КВ, используемые для придания речи шуточной окраски: «*Будем искать!*», «*Чья туфля?*» и т.д.

Представленная типология, основанная на функционально-семантическом критерии, позволяет систематизировать КВ и выявить особенности их использования в различных коммуникативных контекстах.

В заключение отметим, что анализ крылатых слов и выражений в лингвистической и культурологической перспективах позволяет утверждать, что они представляют собой многогранный и значимый феномен, требующий комплексного подхода к изучению. КВ являются не только устойчивыми единицами языка, но и важными элементами культуры, отражающими исторический опыт народа, его ценности и

мировоззрение [9, с. 36]. Исследование КВ позволяет выявить интертекстуальные связи, существующие между различными текстами и культурными эпохами, а также проследить динамику изменения их семантики и прагматики в процессе функционирования в языке и речи. Использование же КВ в различных коммуникативных контекстах свидетельствует об их высокой экспрессивности и способности лаконично и ёмко выражать сложные мысли и чувства.

Выводы по первой главе

В процессе рассмотрения теоретических основ басни как источника крылатых слов и выражений нами было определено, что жанр басни является одним из древнейших литературных жанров, в связи с чем играет значительную роль в мировой литературе.

Анализ жанровых особенностей басни показал, что такие языковые маркеры басенного жанра, как аллегория, упрощенный синтаксис и экспрессивные средства, в совокупности с моралью, создают благоприятную почву для формирования лаконичных, запоминающихся и дидактически значимых фраз, потенциально становящихся крылатыми выражениями.

Изучение механизмов образования крылатых выражений позволяет утверждать, что трансформация басенных фраз в крылатые выражения – многоступенчатый процесс: переход басенных фраз в крылатые выражения включает в себя абстрагирование от конкретного контекста басни, упрощение формы, ритмико-интонационное усиление для лучшей запоминаемости и, наконец, социальное закрепление, обеспечивающее широкое распространение и употребление выражения в речи.

Также в ходе исследования было установлено, что басня обладает выраженной интертекстуальностью и культурной значимостью. В свою очередь, апелляция данного жанра к универсальным архетипам и моральным дилеммам, а также активное использование цитирования,

аллюзий и реминисценций, обеспечивает её понимание в различных культурных контекстах и создает прочные интертекстуальные связи, способствующие укоренению крылатых выражений в языковой картине мира.

Таким образом, басенный текст, обладая специфическими жанровыми признаками, является потенциальным источником крылатых выражений, обогащающих фразеологический фонд языка.

ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БАСНИ КАК ИСТОЧНИКА КРЫЛАТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. Лексико-семантические особенности крылатых фраз и выражений

И.А. Крылов, русский писатель и баснописец, был академиком Петербургской академии наук (с 1841 г.). На начальном этапе своей литературной деятельности он издавал сатирические журналы, такие как «Почта духов» (1789), и писал трагедии, комедии и оперные либретто. Наибольшую известность И.А. Крылов получил благодаря своим басням [12, с. 21]. В период с 1809 по 1843 год им было создано более двухсот басен, проникнутых демократическими идеалами, отличающихся сатирической остротой и использованием яркого, экспрессивного языка. В баснях И.А. Крылова подвергаются критике различные общественные и человеческие пороки, что делает его творчество значимым явлением русской литературы и культуры, оказывающим влияние на формирование моральных и этических ценностей в обществе.

В современном лингвистическом дискурсе термин «крылатое слово» впервые был введён в научный оборот немецким филологом Георгом Бюхманом (1822-1884), который объяснял это определение способностью таких выражений к широкому распространению и циркуляции в устной речи [20, с. 39]. В 1864 году Бюхман опубликовал словарь «Geflügelte Worte», получивший широкое признание и послуживший стимулом для создания аналогичных справочных изданий в других странах. Лексический состав крылатых выражений характеризуется динамичностью и постоянным пополнением. Этот класс языковых единиц различается по степени распространённости, подразделяясь на общеупотребительные выражения, известные широкому кругу носителей языка (часто со

школьной скамьи), и узкоспециальные, элитарные, используемые в рамках ограниченных профессиональных или научных сообществ.

В повседневной коммуникации нередко используются выражения, восходящие к басенному творчеству И.А. Крылова, причём зачастую те, кто их употребляет, не осознают их авторскую принадлежность. Данные изречения, утратив связь с первоисточником, приобрели статус крылатых выражений, пословиц и поговорок, прочно закрепившись в языковом сознании и активно функционируя в речевой практике. Этот факт свидетельствует о высокой степени инкорпорированности басен Крылова в русскую языковую культуру и об их значительном влиянии на формирование фразеологического фонда языка [27, с. 16].

Отметим, история лексикографической обработки крылатых слов и выражений (далее - КВ) достаточно полно освещена в научной литературе. Жанр словарей, посвященных КВ, пользуется устойчивой популярностью в российской лексикографии на протяжении более ста лет [30, с. 288]. В качестве примеров можно привести словарь М.И. Михельсона, справочник «Крылатые слова» С.В. Максимова, словарь Н.С. и М.Н. Ашукиных, работы В.П. Беркова и С.Г. Шулежковой и т.д. Указанные лексикографические источники представляют собой ценный вклад в изучение фразеологии и являются важным инструментом для систематизации и анализа КВ в русском языке.

В теории отечественной фразеологии накоплен обширный материал, посвященный исследованию природы крылатых выражений как особого класса устойчивых языковых единиц, а также их бытованию в творчестве отдельных авторов, в том числе в баснях И.А. Крылова. Рассмотрением природы крылатых выражений баснях И.А. Крылова занимались такие выдающиеся исследователи, как П. Чжу, К.П. Сидоренко, Д.О. Сергань, Т.А. Крепких, Ш.М. Рамакнулов, Д.А. Алимаматова, Д.А. Жукова, П.Ш. Джабраилова и др. Однако, несмотря на пристальное внимание к функционированию крылатых выражений в басенном наследии Крылова, в

научной литературе отсутствует комплексная типология, систематизирующая данные выражения на основе их структурно-семантических и функциональных характеристик. Существующие исследования, как правило, ограничиваются констатацией факта использования крылатых выражений в баснях Крылова, не предлагая развёрнутой классификации, учитывающей разнообразие их типов и соотношение с различными классами фразеологических единиц.

В.А. Жуковский отмечал, что И.А. Крылов заимствовал у Ж. де Лафонтена мастерство сочетания непринуждённого повествования с элементами высокой поэзии. Он призывает читателя самостоятельно ознакомиться с текстами басен, чтобы обнаружить те эстетические достоинства, которые в силу ограниченности времени и объёма рецензии остались нераскрытыми. Вместе с тем Жуковский указывает на отдельные недостатки стиля Крылова, проявляющиеся, по его мнению, в некоторой растянутости и недостаточной выразительности слога в ряде фрагментов [13, с. 43]. Критик также обращает внимание на наличие погрешностей в отношении языковых норм, а также на случаи использования выражений, противоречащих эстетическому вкусу и отличающихся грубостью, что, в свою очередь, подчёркивает общую лёгкость и приятность слога, характерные для большинства произведений автора.

В свою очередь, современные исследователи творчества И.А. Крылова Ш.М. Раманкулов, Д.А. Алимаматова акцентировали внимание на том, что феноменальный успех и широкая народная любовь к басням И. А. Крылова обусловлены тем, что автор в своих произведениях изображал многогранную картину русской действительности, оценивая её с точки зрения простого народа. Басни Крылова, отражающие реалии современной ему эпохи, сохраняют свою актуальность благодаря поэтической силе, точности образов и правдивости, что обеспечивает им непреходящую ценность и включение в культурное наследие народа [30, с. 288]. Ориентируясь на фольклорные традиции в выборе языковых средств

и создании образов, Крылов достиг такой точности, меткости и простоты изложения, что многие строки его басен органично вошли в разговорную речь, трансформировались в пословицы и поговорки, обретая автономное существование в языковой среде.

Подчеркнём, что семантическая структура крылатых фраз из басен И. А. Крылова часто включает оценочные элементы, выражающие авторское отношение к описываемым явлениям и формирующие определённую моральную позицию. Например, во фразе «*У сильного всегда бессильный виноват*» [18, с. 34] явно прослеживается негативная оценка несправедливого распределения власти. Также наблюдается тенденция к архаизации лексики в составе крылатых выражений, что обусловлено временным контекстом создания басен и придаёт им оттенок мудрости и традиционности. В выражении «*А ларчик просто открывался*» [18, с. 43] используется слово «ларчик» (уменьшительно-ласкательное от «ларец»), которое, хотя и не является устаревшим в строгом смысле этого слова, несёт на себе отпечаток старины. Также в крылатых выражениях из басен Крылова преобладает конкретная лексика, отсылающая к бытовым реалиям и природным явлениям, что облегчает их понимание и запоминание. Примеры тому - «*Демьянова уха*» [18, с. 99], отсылающая к конкретному блюду, или «*Как белка в колесе*» [18, с. 21], использующая образ животного и предмета быта для создания яркой метафоры.

На основе структурно-семантических и функциональных характеристик крылатых выражений, источником которых явились басни И.А. Крылова, нами была разработана типология, основанная на сопоставлении дефиниций крылатых выражений с толкованиями различных типов фразеологических единиц. В рамках предложенной классификации нами были выделены следующие группы:

- 1) дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов:

«Демьянова уха» [18, с. 99] (из басни «Демьянова уха») – данное словосочетание выступает в роли устойчивого фразеологического выражения, обозначающего навязчивое, надоедливое угощение или услугу, от которых невозможно отказаться. Семантика выражения основана на аллюзии к сюжету басни, в которой герой, Демьян, чрезмерно усердно угощает соседа ухой, несмотря на его отказ.

«Как белка в колесе» [18, с. 21] (из басни «Белка») – это сравнение функционирует как фразеологизм, обозначающий ситуацию бесплодной, бессмысленной, изнурительной работы или деятельности. Образ белки, бесконечно бегущей в колесе, метафорически отражает тщетность усилий, не приводящих к осязаемому результату.

«Бог послал Вороне где-то кусочек сыру» [18, с. 34] (из басни «Ворона и Лисица») - хотя это и часть более длинной фразы, ядро «кусочек сыра» в контексте басни приобрело фразеологическое значение: лёгкая добыча, неожиданная удача, дар судьбы. Часто используется с ироничным оттенком, подразумевающим, что эта «удача» может быть потеряна из-за глупости или жадности.

«А ларчик просто открывался» [18, с. 56] (из басни «Ларчик») - в усечённом виде, как «ларчик просто открывался», это выражение функционирует как фразеологизм, обозначающий кажущуюся сложность проблемы, которая на самом деле имеет простое решение. Акцентирует внимание на несоответствии между затраченными усилиями и очевидностью решения.

«Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» [18, с. 99] (из басни «Зеркало и Обезьяна») – в сокращённом виде, например, «на себя оборотиться» или «лучше на себя оборотись», выражение приобретает значение фразеологизма, призывающего обратить внимание на собственные недостатки, прежде чем критиковать других. Акцент делается на самоанализе и самокритике.

«Слона-то я и не приметил» [18, с. 54] (из басни «Любопытный») – это выражение используется как фразеологизм, обозначающий ситуацию, когда человек не замечает чего-то очевидного и важного, сосредотачиваясь на мелочах. Подчёркивает невнимательность и неумение видеть главное.

Так, в представленных примерах крылатые выражения, восходящие к басням И.А. Крылова, функционируют в языке как устойчивые фразеологические обороты, обладающие переносным значением и характеризующиеся воспроизводимостью в речи. Их семантика тесно связана с сюжетом басни, а образность и афористичность способствуют их закреплению в языковом сознании и активному использованию в различных коммуникативных ситуациях.

2) дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний:

«Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт» [18, с. 65] (из басни «Лебедь, Щука и Рак») – эта фраза представляет собой законченное высказывание, содержащее афористическое обобщение о необходимости согласованных действий для достижения успеха. Она функционирует как коммуникативное сочетание, выражающее идею о важности единства и сотрудничества.

«Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник» [18, с. 13] (из басни «Щука и Кот») – данное высказывание представляет собой синтаксически завершённую конструкцию, содержащую афористическое обобщение, транслирующее идею о необходимости профессиональной специализации и компетентности. Фраза функционирует как коммуникативная единица, предостерегающая от проявлений некомпетентности и неэффективности, являющихся следствием выполнения деятельности, не соответствующей профессиональным навыкам и знаниям. Таким образом, данное изречение подчёркивает важность рационального разделения труда и осознанного

выбора сферы профессиональной деятельности, что способствует повышению качества и результативности выполняемой работы.

«У сильного всегда бессильный виноват» [18, с. 43] (из басни «Волк и Ягнёнок») – эта фраза является синтаксически законченным высказыванием, содержащим афористическое обобщение о несправедливости и злоупотреблении властью, выражает идею о том, что в конфликте между сильным и слабым всегда прав сильный.

«Как ни полезна вещь, — цены не зная ей, невежда про неё свой толк всё ж имеет» [18, с. 65] (из басни «Мартышка и очки») - представленное изречение представляет собой синтаксически завершённое высказывание, аккумулирующее афористическое обобщение, констатирующее неспособность индивида, лишённого должного уровня знаний и опыта, адекватно оценивать значимость тех или иных объектов или явлений. Данная фраза функционирует как коммуникативное средство, эксплицирующее концепт невежества и предвзятости в восприятии действительности.

«За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку» [18, с. 34] (из басни «Кукушка и Петух») – данная фраза представляет собой синтаксически законченное высказывание, обличающее взаимную похвалу как проявление лицемерия и корысти и выражающее критическое отношение к неискренним комплиментам.

«По мне, так лучше быть хвостом у льва, чем годовым пастухом» [18, с. 76] (из басни «Лев и Мышь») – это законченное высказывание, выражающее предпочтение независимости и свободы, пусть и на скромной должности, подчиненному положению, даже при высоком статусе. Это высказывание функционирует как коммуникативная единица, эксплицирующая ценность автономности и независимости. Подчёркивая приоритет самостоятельного выбора и самоопределения, это изречение отражает важность индивидуальной свободы и независимости от внешнего

влияния, что является существенным фактором личностной автономии и самореализации.

В этих примерах крылатые выражения из басен Крылова представляют собой законченные высказывания, содержащие обобщения о различных аспектах человеческой жизни и социальных отношений. Они функционируют как коммуникативные сочетания, выражающие определённые идеи, оценки и предостережения, и активно используются в речи для передачи этих смыслов.

3) дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно паремиологическим значением соотносимы с толкованием пословиц:

«А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь» [18, с. 42] (из басни «Квартет») - эта фраза носит обобщённый характер и соотносится с пословицей о том, что неумелые действия, даже при большом количестве участников, не приведут к успеху. Выражает идею о том, что для достижения результата необходимы талант и компетентность.

«Берись за то, к чему ты склонен, если хочешь добиться успеха» [18, с. 54] (из басни «Собака и Лошадь») – это выражение имеет паремиологическое значение, близкое к пословице «Где родился, там и пригодился», выражает идею о том, что успех достигается в той деятельности, которая соответствует природным склонностям и способностям.

«Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» (на основе басни «Лев и Мышь», хотя точной цитаты нет, мораль басни сводится к этому) – хотя эта фраза является скорее обобщением морали басни, чем прямой цитатой, она несёт в себе паремиологический смысл, аналогичный пословице «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь». Подчёркивает необходимость уважительного отношения к окружающим, так как помощь может понадобиться в будущем.

«Услуга в дружбе – вещь святая» [18, с. 54] (из басни «Две собаки») – это законченное высказывание с обобщённым смыслом о важности взаимопомощи и поддержки в дружбе. Соотносится с пословицами о ценности дружбы и взаимовыручки, например, «Друг познаётся в беде».

«Не узнаешь друга, не испытай его в деле» [18, с. 43] (на основе общего смысла многих басен Крылова о дружбе и проверке временем) – хотя это обобщение общего смысла нескольких басен, фраза отражает паремиологическую идею о том, что настоящая дружба проверяется временем и испытаниями. Соотносится с пословицей «Друг познаётся в беде».

«Худые советы всегда к худу ведут» [18, с. 32] (из басни «Ворона и Курица») – данное высказывание носит обобщенно-назидательный характер и сопоставимо с пословицей «С дураком водиться – ума лишиться». Выражает идею о том, что следование плохим советам приводит к негативным последствиям.

В представленных примерах крылатые выражения из басен Крылова обладают обобщенным паремиологическим значением, то есть выражают общеизвестные истины и моральные принципы в форме, близкой к пословицам и поговоркам. Они функционируют как устойчивые коммуникативные единицы, передающие народную мудрость и жизненный опыт.

4) дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических оборотов:

«А Васька слушает да ест!» [18, с. 23] (из басни «Кот и Повар») – это восклицание подчёркивает ситуацию, когда увещевания и порицания остаются без внимания, а субъект продолжает действовать по-своему, пренебрегая чужим мнением. Соотносится с идиомами, характеризующими бесполезность наставлений.

«Что за диво, — смеются тут друзья, — и у лжецов находятся судьи!» [18, с. 65] (из басни «Два Мужика») – представленное вопросительно-восклицательное высказывание выражает изумление и сарказм по поводу наличия сторонников даже у тех, кто замечен в обмане. Находит параллели с фразеологизмами, отражающими сомнение в справедливости происходящего.

«Куда ты, светлая, спешишь?» [18, с. 32] (из басни «Ручей») – вопросительная конструкция, обращенная к персонифицированному образу ручья как метафоре жизни, акцентирует внимание на быстротечности времени и неумолимости хода событий. Может выполнять функцию риторического вопроса, подчеркивающего эфемерность бытия.

«А где же ты была, сестрица?» [18, с. 76] (из басни «Стрекоза и Муравей») – вопрос, хотя и сформулирован напрямую, содержит скрытое осуждение за беспечное времяпрепровождение и отсутствие заботы о будущем. Соотносится с фразеологическими единицами, осуждающими легкомысленное отношение к жизни.

«Что делать? Виноват!» [18, с. 32] (из басни «Волк и Ягнёнок») – восклицание, констатирующее безвыходность положения и вынужденное признание вины перед превосходящей силой, даже при отсутствии реальной вины. Находит соответствие в фразеологических выражениях, обозначающих подчинение обстоятельствам и произволу.

«Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок» [18, с. 65] (из басни «Ворона и Лисица»). Эта фраза, начинающаяся как констатация общеизвестного факта, переходит в восклицание, выражающее разочарование в неспособности людей извлекать уроки из прошлого и противостоять лести. Перекликается с фразеологизмами, выражающими сожаление о повторяющихся ошибках человечества.

Так, в рассмотренных примерах крылатые выражения из басен Крылова, оформленные в виде вопросительных или восклицательных

предложений, приобретают особую выразительность и эмоциональность. Они функционируют как устойчивые коммуникативные единицы, передающие различные оттенки чувств – от удивления и иронии до возмущения и досады.

Отметим, крылатые фразы и выражения, созданные на основе басен И. А. Крылова, характеризуются высокой степенью семантической компрессии, позволяющей в краткой форме передавать сложные концепты и моральные императивы. Причем лексический состав данных фразеологических единиц отличается экспрессивностью и образностью, достигаемыми за счёт использования метафор, аллегорий и других тропов, усиливающих их воздействие на реципиента [18, с. 460]. Происходит семантическое переосмысление отдельных лексем в составе крылатых фраз, в результате чего они приобретают переносное значение и становятся символами определённых понятий и явлений.

Таким образом, сделаем вывод: крылатые выражения, восходящие к басням Крылова, демонстрируют высокую степень устойчивости семантики, сохраняя своё значение на протяжении длительного времени и в различных контекстах употребления [31, с. 15]. Лексико-семантическая структура крылатых фраз отличается лаконичностью и завершенностью, что способствует их легкому включению в различные типы дискурса. Исследование лексико-семантических особенностей крылатых фраз из басен Крылова позволяет выявить закономерности формирования устойчивых выражений и их роль в отражении культурных ценностей и моральных норм общества.

2.2. Функционально-стилистический аспект употребления крылатых слов и выражений

Крылатые выражения, функционирующие в басенном дискурсе И.А. Крылова, представляют собой особый предмет научного анализа, последовательно рассматриваемый в рамках теоретических исследований

по истории русского литературного языка, фразеологии и лингвокультурологии [23, с. 170]. Дальнейшее изучение данного феномена представляется перспективным в контексте выявления их роли в формировании языковой картины мира и трансляции культурных ценностей, а также в исследовании их стилистических и прагматических особенностей в рамках конкретных басен.

Функциональный аспект крылатых выражений в баснях И.А. Крылова привлекал внимание ряда исследователей, стремившихся выявить их роль в формировании художественного образа, трансляции моральных ценностей и обеспечении воздействия на читателя. В частности, работы таких исследователей, как Д.А. Романов, А.А. Кочконбаева, Ш.Т. Сейдалиева, М.Б. Раренко, В.М. Мокиенко, Е.А. Мухина, А.Н. Николюкина, К.П. Сидоренко, В. Воропаев, Н.Н. Подосокорский, демонстрируют многообразие подходов к изучению данного феномена, охватывая вопросы стилистики, прагматики, лингвокультурологии и истории литературы. Анализ их трудов позволяет систематизировать представления о функциях крылатых выражений в басенном дискурсе Крылова и определить перспективы дальнейших исследований в этой области.

К.П. Сидоренко подчеркивал, что «цитатный фонд, относящийся к басенному наследию И.А. Крылова, преимущественно состоит из выражений, коррелирующих с традиционным фразеологическим фондом в его широком понимании» [34, с. 238]. Даже относительно редко встречающиеся изречения демонстрируют потенциал фразеологизации или паремиологизации, обладая способностью к естественному употреблению, создающему эффект аутентичности и узнаваемости, что свидетельствует об их глубокой укорененности в языковом сознании. Дальнейший анализ позволит установить степень их фразеологической устойчивости и функциональной специфики в различных коммуникативных контекстах.

В соответствии с классификацией, предложенной В.П. Степановым, басни И. А. Крылова можно разделить на следующие категории [35, с. 43]:

1) социально-политические: данная группа произведений характеризуется сатирическим обличением насилия и эксплуатации слабых, с акцентом на проблемах социального неравенства и произвола. Примерами могут служить басни «Слон на воеводстве», «Волк и ягнёнок», «Рыбьи пляски».

2) морально-философские: в этих произведениях автор рассматривает фундаментальные вопросы человеческого бытия, уделяя особое внимание роли труда и просвещения в контексте общественного прогресса. К этой категории относятся басни «Ворона и лисица», «Стрекоза и Муравей».

3) басни социально-бытового цикла: эта группа произведений посвящена высмеиванию человеческих пороков, слабостей и недостатков, а также пропаганде житейской мудрости, честности и бескорыстия. Примеры включают басни «Свинья под дубом», «Демьянова уха», «Слон и Моська».

4) басни, посвящённые теме Отечественной войны 1812 года: в эту категорию входят произведения, отражающие события и настроения периода Отечественной войны 1812 года. Примерами могут служить басни «Волк на псарне», «Обоз». В отличие от предшествующих басенных традиций, отличавшихся абстрактностью и дидактической направленностью, Крылов привнёс в жанр басни жизненную конкретность и реалистичность. Его персонажи предстают как типичные представители своей эпохи, наделённые узнаваемыми чертами и действующие в соответствии с логикой реальных социальных отношений. Аллегорические образы животных и птиц служат для отражения человеческих характеров и поступков, что позволяет автору создавать сатирические картины современной ему действительности.

Басни И. А. Крылова поддаются классификации по различным критериям. В зависимости от тематики и моральной направленности выделяются группы басен, обличающих лицемерие, жадность и тщеславие («Свет и тень», «Львы на дровах»), а также басен, посвящённых межличностным отношениям и ценности дружбы («Волк на овцу»). Отдельный пласт составляют произведения, затрагивающие вопросы власти, политики и общественной жизни, вскрывающие проблемы коррупции, несправедливости и беззакония («Волк и овца»). Дополнительные критерии классификации включают форму написания (стихи, проза, смешанный тип), тип персонажей (животные, люди, мифологические существа, растения) [28, с. 17] и проблематику (социально-политические, морально-философские, социально-бытовые). Примерами социально-политических басен являются «Лев на ловле», «Слон на воеводстве», «Рыбья пляска»; морально-философских — «Стрекоза и Муравей», «Огородник и Философ», «Листы и Корни»; социально-бытовых — «Слон и Моська», «Свинья под дубом».

Нельзя не согласиться с В.М. Мокиенко, что при идентификации первоисточника басенного сюжета и крылатого выражения, приписываемого И. А. Крылову, необходимо учитывать вероятность как заимствований из других литературных традиций, так и трансформации известных языковых единиц в соответствии с идиостилем автора [24, с. 54]. Нельзя исключать и влияние фольклорных источников, обогативших язык басен элементами народной речи.

В свою очередь отметим, с точки зрения стилистики, употребление крылатых слов и выражений придаёт басням Крылова особую экспрессивность, народность и разговорность, приближая их к устной речи и делая доступными для широкой аудитории. Кроме того, использование крылатых выражений позволяет автору устанавливать своеобразный диалог с читателем, апеллируя к его знаниям и опыту и тем самым вовлекая его в процесс осмысления моральных проблем, поднимаемых в

баснях. Таким образом, крылатые слова и выражения в баснях Крылова не только украшают текст, но и играют важную роль в реализации идейно-художественного замысла автора.

В баснях И.А. Крылова крылатые выражения демонстрируют широкий спектр функциональных возможностей, что позволяет нам выделить несколько групп, различающихся по своим задачам и роли в тексте:

1) афористическое выражение морали: крылатые слова лаконично формулируют нравственный урок басни, делая его легко запоминающимся и общезначимым. Например: *прост.* «*Беда, коль пироги начнёт печь сапожник, а сапоги тачать пирожник*» [18, с. 43] (выражает идею о необходимости заниматься своим делом); *комич.* «*А слона-то я и не заметил*» [18, с. 48] (символизирует невнимательность к очевидному); *иронич.* «*Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?*» [18, с. 54] (призывает к самокритике вместо осуждения других); *разг.* «*Ты виноват ужже тем, что мне хочется есть*» [18, с. 99] (иллюстрирует произвол и злоупотребление властью); *разг.* «*Не смейся чужой беде, голубь*» [18, с. 99] (подчёркивает важность сочувствия и предостерегает от злорадства); *разг.* «*Не плюй в колодец, пригодится воды напиться*» [18, с. 76] (подчёркивает важность уважительного отношения к окружающим и предвидения последствий своих действий) и т.д. Так, функционально-стилистический анализ показывает, что крылатые выражения в баснях Крылова являются не просто украшением текста, а важным средством реализации авторского замысла, усиления воздействия на читателя и формирования определённой моральной позиции.

2) создание ярких образов: использование метафор и сравнений, заключённых в крылатых выражениях, формирует наглядные и экспрессивные картины, обогащая воображение читателя. Например: *разг.* «*А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь*» [17, с. 43] (представляет комичный образ бездарного квартета, безуспешно

пытающегося играть); *разг.* «Услуга в дружбе - свялая вещь!» [17, с. 42] (придаёт дружбе сакральное значение); *иронич.* «Хоть видит око, да зуб неймёт» [17, с. 48] (рисует картину желанного, но недостижимого); *нейтр.* «Дерева с вершины всегда падают» [17, с. 12] (создаёт образ падения с высоты, символизирующий крах власти или успеха); *комич.* «Фортуна любит дураков» [17, с. 55] (олицетворяет удачу как благосклонную, но неразборчивую силу); *пренебр.* «Пусть говорят собаки» [17, с. 12] (метафорическое пренебрежение критикой и злословием). Проанализированные примеры наглядно демонстрируют, что крылатые выражения в баснях Крылова играют важную роль в создании ярких, запоминающихся образов. Благодаря использованию метафор, сравнений и других стилистических приёмов они не только украшают текст, но и способствуют более глубокому пониманию и усвоению морали басни, оказывая сильное эмоциональное воздействие на читателя и обогащая его воображение. Функционируя как элементы художественной выразительности, они придают басням Крылова особую живость и делают их актуальными и любимыми на протяжении многих поколений.

3) оказание эмоционального воздействия: экспрессивность крылатых слов усиливает эмоциональный отклик читателя на события и персонажей басни. Например: *разг.* «Кукушка хвалит петуха за то, что он хвалит кукушку» [18, с. 99] (выражает ироничное негодование по поводу взаимной лести); *разг.* «Лестец всегда найдёт уголок в сердце» [18, с. 76] (вызывает чувство досады из-за человеческой слабости к лести); *разг.* «У разбитого корыта» [18, с. 43] (вызывает чувство сочувствия и разочарования из-за утраченных надежд); *пренебр.* «Да только воз и ныне там» [18, с. 34] (выражает ощущение безнадежности и бесплодности усилий); *разг.* «Легко сказать, да трудно сделать» [18, с. 76] (вызывает понимание сложности реализации замыслов); *разг.* «Голодной куме всё хлеб на уме» [18, с. 54] (создаёт комичный и в то же время сочувственный образ человека, одержимого одной идеей или потребностью).

Представленные примеры убедительно показывают, что крылатые выражения в баснях Крылова оказывают значительное эмоциональное воздействие на читателя. Они не только кратко и точно передают суть происходящего, но и вызывают широкий спектр чувств - от иронии и негодования до сочувствия и разочарования. Благодаря своей экспрессивности крылатые выражения усиливают восприятие басни, делают её более запоминающейся и оказывают глубокое влияние на эмоциональную сферу читателя, способствуя формированию его нравственных ориентиров.

4) реализация комического эффекта: использование крылатых выражений способствует созданию ироничного или сатирического тона, высмеивая человеческие пороки и недостатки («Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт»). Например: *ирон.* «Ворона каркнула во всё воронье горло» [18, с. 54] (создаёт комичный образ неуместного и громкого самовыражения); *разг.* «Чем богаты, тем и рады» [18, с. 32] (иронично обыгрывает ситуацию, когда довольствуются малым или некачественным); *разг.* «Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна» [18, с. 54] (выражает ироничное разочарование в неспособности людей учиться на ошибках); *комич.* «По мне уж лучше пей, да дело разумей» [18, с. 59] (иронично противопоставляет полезный труд и вредные привычки). Примеры наглядно демонстрируют, как крылатые выражения в баснях Крылова эффективно используются для создания комического эффекта. Ирония, сатира, гротеск и другие приёмы, воплощённые в этих фразах, позволяют высмеивать человеческие недостатки, обличать общественные пороки и представлять комичные ситуации в яркой и запоминающейся форме [19, с. 13]. Комический эффект, достигаемый благодаря крылатым выражениям, не только развлекает читателя, но и способствует более глубокому осмыслению моральных уроков басни, делая её воздействие более сильным и запоминающимся.

5) придание тексту народности и разговорности: крылатые слова, заимствованные из фольклора или разговорной речи, приближают басни к устной традиции, делая их более доступными и понятными. К примеру: *разг.* «*Что имеем – не храним, потерявши – плачем*» [18, с. 54] (отражает народную мудрость о ценности того, что есть); *разг.* «*В чужой монастырь со своим уставом не ходят*» [18, с. 21] (подчеркивает важность уважения к чужим традициям); *ирон.* «*Работа дураков любит*» [18, с. 54] (отражает народное представление о нерациональном и бессмысленном труде); *разг.* «*С миру по нитке – голому рубаха*» [18, с. 32] (подчеркивает силу коллективной помощи); *комич.* «*На ловца и зверь бежит*» [18, с. 65] (отражает народную веру в удачу и везение); *разг.* «*Не всё то золото, что блестит*» [18, с. 31] (предостерегает от обманчивой внешности). Так, данные крылатые выражения, заимствованные из фольклора и разговорной речи, является важным приёмом, позволяющим Крылову придать своим басням народность и разговорность. Эти фразы, укоренённые в народной культуре и языке, делают басни более понятными и близкими широкому кругу читателей, усиливают их эмоциональное воздействие и способствуют их запоминанию [25, с. 124]. Благодаря использованию крылатых выражений басни Крылова становятся не просто литературными произведениями, а частью народного культурного наследия, передаваемого из поколения в поколение.

6) установление диалога с читателем: обращение к общеизвестным выражениям активизирует ассоциативное мышление читателя и вовлекает его в процесс интерпретации смысла басни. Например: *ирон.* «*Да разве в мире когда-либо и где-либо случалось, чтобы волка судили по волчьим законам?*» [18, с. 51] (побуждает читателя задуматься о справедливости и предвзятости); *разг.* «*Как аукнется, так и откликнется*» [18, с. 32] (активизирует ассоциации с народной мудростью о последствиях наших действий); *пренебр.* «*Кто старое помянет, тому глаз вон*» [18, с. 65] (наводит на размышления о прощении и умении

забывать обиды); *пренебр.* «От радости в зобу дыханье сперло» [18, с. 32] (побуждает читателя вспомнить и прочувствовать состояние сильного эмоционального потрясения); *разг.* «Счастливые часов не наблюдают» [18, с. 87] (активизирует ассоциации с беззаботностью и радостью); *комич.* «Любить других – тяжкий крест» [18, с. 21] (заставляет задуматься о трудностях и жертвах, связанных с любовью). Так, данные крылатые выражения в баснях Крылова способствует установлению диалога с читателем. Обращение к этим фразам, знакомым и понятным каждому, активизирует ассоциативное мышление, вызывает в памяти личный опыт и вовлекает в процесс осмысления морали басни [18, с. 185]. Читатель не просто воспринимает готовый вывод, а становится активным участником интерпретации, что усиливает воздействие басни и делает ее урок более значимым и запоминающимся. Крылатые выражения, таким образом, служат своего рода связующим звеном между текстом басни и личным опытом читателя, способствуя более глубокому пониманию и усвоению нравственных истин.

7) обобщение частного случая до общечеловеческой проблемы: крылатые выражения позволяют перевести конкретную ситуацию, описанную в басне, в плоскость универсальных моральных вопросов. К примеру: *разг.* «За всякое дело берись смело» [17, с. 7] (подчеркивает важность инициативы и уверенности в себе); *разг.* «Не узнавай врага под личиной друга» [17, с. 65] (предостерегает от лицемерия и коварства); *разг.* «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь» [17, с. 18] (подчеркивает принцип возмездия и справедливости); *комич.* «Встречают по одежке, провожают по уму» [17, с. 32] (отражает двойственность человеческого восприятия и ценность внутреннего мира); *пренебр.* «Метать бисер перед свиньями» [17, с. 32] (означает бесполезность усилий, направленных на тех, кто не способен их оценить); *разг.* «До поры до времени не сеют семян» [17, с. 32] (подчеркивает важность выбора подходящего момента для действий). Так, данные крылатые выражения в баснях Крылова

способствуют обобщению частных ситуаций до уровня общечеловеческих проблем. Они позволяют увидеть за конкретным сюжетом универсальные принципы, нравственные законы и жизненные закономерности, актуальные для людей в разные времена и в разных обстоятельствах [6, с. 32]. Благодаря этому басни Крылова приобретают философскую глубину и непреходящую ценность, оставаясь актуальными и по сей день. Крылатые выражения служат ключом к пониманию более широкого контекста, позволяя читателю увидеть за частным случаем отражение общечеловеческих вопросов морали, этики и жизненной мудрости.

8) обеспечение структурной целостности текста: крылатые выражения могут служить своего рода опорными точками, вокруг которых строится повествование и формируется основной посыл басни. Например: басня «Волк и Ягнёнок» строится вокруг выражения *разг. «У сильного всегда бессильный виноват»* [17, с. 7], определяющего сюжет и мораль; в басне «Квартет» цитата *разг. «Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдёт»* [17, с. 12] является ключевым, определяющим неэффективность несогласованных действий; в басне «Слон и Моська» фраза *разг. «А я и не заметил»* [17, с. 43] используется как кульминация, демонстрирующая самообман и хвастовство; в басне «Ларчик» выражение *разг. «А ларчик просто открывался»* [17, с. 54] является ключевым моментом, разоблачающим бессмысленность сложных решений при наличии простого; басня «Зеркало и Обезьяна» подводит к выводу, *разг. «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»* [17, с. 17] - направляя читателя к самоанализу; в басне «Демьянова уха» используется выражение *разг. «И уха хороша, да дело не в ухе»* [17, с. 32], чтобы подчеркнуть важность чувства меры. Так, данные крылатые выражения в баснях Крылова играют важную роль в обеспечении структурной целостности текста. Они служат своеобразными «опорными точками», которые организуют повествование, направляют развитие сюжета и формируют основной посыл басни. Крылатое

выражение часто является кульминацией, моральным выводом или ключевой идеей, вокруг которой строится вся композиция произведения. Благодаря этому басни Крылова отличаются стройностью, логичностью и ясностью, а их мораль легко усваивается и запоминается читателем [11, с. 39]. Крылатое выражение становится своего рода «стержнем», который скрепляет все элементы басни в единое целое, обеспечивая её структурную гармонию и смысловую завершенность.

Таким образом, сделаем вывод: функционально-стилистический аспект употребления крылатых слов и выражений в баснях И.А. Крылова представляет собой многогранный феномен, обусловленный спецификой жанра басни и авторским мастерством. Крылатые выражения, вплетённые в ткань басен, выполняют ряд важных функций. Во-первых, они служат средством создания ярких, запоминающихся образов, усиливающих эмоциональное воздействие на читателя. Во-вторых, они выполняют функцию обобщения, позволяя автору выразить мораль басни в лаконичной и афористичной форме, что способствует её лучшему усвоению и запоминанию. В-третьих, крылатые выражения используются для создания комического эффекта, иронии и сатиры, что является характерной чертой басенного стиля.

Выводы по второй главе

В результате проведённого практического анализа басен И.А. Крылова было выявлено, что они являются богатым источником крылатых слов и выражений русского языка, обладающих ярко выраженными лексико-семантическими особенностями. Эти выражения, функционируя как устойчивые единицы языка, аккумулируют в себе квинтэссенцию авторской мысли и морали басни.

Исследование функционально-стилистического аспекта их употребления показало, что они выполняют разнообразные задачи: от создания комического эффекта до обобщения частных случаев и

общечеловеческих проблем. Крылатые выражения придают басням народность и разговорность, устанавливают диалог с читателем и обеспечивают структурную целостность текста. Они не только украшают язык басни, но и усиливают её воздействие на читателя, делая её запоминающейся и актуальной на протяжении многих поколений.

Анализ показал, что крылатые выражения Крылова - это не просто цитаты, а важные элементы русской культуры, отражающие народную мудрость и формирующие нравственные ориентиры.

Таким образом, изучение басен Крылова как источника крылатых выражений позволяет глубже понять особенности русского языка и национального менталитета. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение динамики употребления этих выражений в современном русском языке и их роли в формировании языковой картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что его цель достигнута, а задачи решены.

В главе «теоретические основы исследования басни как источника крылатых слов и выражений» мы пришли к следующим выводам:

В параграфе под названием «Языковые маркеры басенного жанра» было выявлено преобладание конкретной, часто оценочной лексики, способствующей созданию выразительных образов в ткани басни. Синтаксис басен характеризуется простотой и ясностью, достигаемыми за счет преобладания простых предложений и прямой речи. Активное использование тропов и стилистических фигур, наряду с диалогической формой и элементами разговорной речи, служит созданию художественной выразительности, аллегорического подтекста и эффекта реалистичности.

В параграфе «Басня как потенциальный источник крылатых слов и выражений: предпосылки и механизмы» анализ механизмов трансформации басенных фраз в крылатые выражения показал, что этот процесс включает в себя абстрагирование и обобщение первоначального значения, упрощение и адаптацию языковой формы, ритмико-интонационное оформление для лучшего запоминания, а также социальное распространение и закрепление в культурном контексте. Эти факторы в совокупности обеспечивают перенос фразы из конкретного басенного сюжета в широкий языковой обиход.

В параграфе «Крылатые слова и выражения: лингвистическая и культурологическая перспектива» обобщается, что крылатые выражения функционируют не только как устойчивые единицы языка, но и как важные элементы культуры, отражающие исторический опыт народа, его ценности и мировоззрение, что обуславливает необходимость комплексного подхода к их изучению.

В главе «Практический анализ басни как источника крылатых слов и выражений русского языка» был проведён комплексный анализ лексико-семантических и функционально-стилистических особенностей крылатых фраз и выражений, извлечённых из басен И.А. Крылова.

В параграфе «Лексико-семантические особенности крылатых фраз и выражений» нами была разработана типология крылатых выражений из басен Крылова, основанная на сопоставлении их определений с толкованиями различных типов фразеологических единиц. Выделены четыре основные группы: крылатые выражения-словосочетания фразеологического типа, сопоставимые с фразеологизмами; синтаксически законченные крылатые фразы с афористическим обобщением и без него, сопоставимые с коммуникативными сочетаниями; синтаксически законченные крылатые выражения с обобщенно-паремиологическим значением, соотносимые с пословицами; и синтаксически законченные крылатые фразы вопросительного или восклицательного типа, соотносимые с соответствующими фразеологическими оборотами.

В параграфе «Функционально-стилистический аспект употребления крылатых слов и выражений» нами было выявлено широкий спектр их функциональных возможностей. Выделены группы, различающиеся по своим задачам и роли в тексте: афористическое выражение морали, создание ярких образов, оказание эмоционального воздействия, реализация комического эффекта, придание тексту народности и разговорности, обобщение частного случая до общечеловеческой проблемы и обеспечение структурной целостности текста. Такое многообразие функций подчеркивает важную роль крылатых выражений в создании художественной выразительности басен и в передаче авторского замысла.

Таким образом, результаты проведённого исследования крылатых выражений в баснях И.А. Крылова могут быть востребованы в различных областях. В теоретическом плане они представляют ценность для дальнейших исследований в области фразеологии, лингвокультурологии,

истории русского литературного языка и стилистики, углубляя понимание механизмов формирования и функционирования устойчивых языковых единиц. В практическом аспекте полученные данные могут быть использованы в лексикографической работе при составлении словарей крылатых слов и выражений, а также в педагогической практике при обучении русскому языку и литературе, способствуя формированию языковой компетенции и культурной грамотности обучающихся. Кроме того, результаты исследования могут найти применение в сфере массовой коммуникации, журналистике и рекламе, где крылатые выражения используются для создания ярких и запоминающихся текстов, оказывающих эмоциональное воздействие на аудиторию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев С. С. Православная энциклопедия. – 2-е изд. – Москва : Алексей Студит, 2020. – 752 с.
2. Артемьева Н. А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Артемьева. – Смоленск, 2012. – 22 с.
3. Багратион-Мухранели И. Пути формирования афористичности басен И.А. Крылова и театр / И. Багратион-Мухранели // Русская словесность. – 2019. – № 4. – С. 19–24.
4. Богданов Д. Развитие структуры басни: от античности до наших дней / Д. Богданов // Филология и литературоведение. – 2014. – № 1. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/01/642> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Веллер М. Технология рассказа / М. Веллер. – Москва : Феникс, 2008. – 80 с.
6. Воропаев В. «Ум безоговорочный» : Гоголь о Крылове / В. Воропаев // Русская словесность. – 2019. – № 4. – С. 7–14.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – Тома 3–4. – 953 с.
8. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том I. О поэтах / М.Л. Гаспаров. – Москва : Феникс, 2018. – 176 с.
9. Горячева Е. Д. Крылатые выражения в семантическом пространстве художественного текста : лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты : дисс. ... канд. филол. наук / Е.Д. Горячева. – Майкоп, 2018. – 170 с.
10. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – Москва : Феникс, 2019. – 152 с.

11. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в творчестве И. А. Крылова / А. Н. Долгих // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2020. – № 3(16). – С. 39–49.
12. Жуков А. В. Паремиологическая теория В. П. Жукова и семантическая классификация пословиц / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 18–21.
13. Жуковский В. А. Сочинения / В. А. Жуковский. – 7-е изд.; под ред. П. А. Ефремова, Т. VI. Письма. Санкт-Петербург, 1878. – 132 с.
14. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии : учебное пособие / В. М. Жирмунский. – Москва : Азбука-классика, 2001. – 496 с.
15. Калевич Н. А. «Русская ментальность» басен И. А. Крылова в контексте их античных и европейских источников (на примере сравнительного анализа текста басни «Ворона и лисица») / Н. А. Калевич // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2019. – № 1. – С. 122–129.
16. Коровин В. И. А. Крылов – автор духовных од / В.И. Коровин // Русская словесность, 2019. – № 4. – С. 69–78.
17. Крылов И. А. Басни / И. А. Крылов. – Москва : Эксмо, 2019. – 349 с.
18. Крылов И. А. Басни : для младшего школьного возраста / И. А. Крылов. – Москва : Самовар, 2020. – 79 с.
19. Крюкова О. С. И. А. Крылов и его биографический миф / О. С. Крюкова // Литературоведческий журнал. – 2019. – № 46. – С. 7–14.
20. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебное пособие / А. В. Кунин. 4-е изд., перераб. – Москва : Высшая школа, 2018. – 381 с.
21. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2019. – 399 с.

22. Максимов С. В. Избранное : собрание сочинений / С.В. Максимов. – Москва : Современная Россия, 2019. – 276 с.
23. Мокиенко В. М. Дружба и псевдодружба в баснях И. А. Крылова / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология : традиционные и новаторские решения проблем. – Гомель : Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 2020. – С. 170–176.
24. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. 4-е изд., дополн. и испр. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 2020. – 464 с.
25. Мокиенко В. М. Школьный словарь крылатых слов русского языка как объект лексикографического описания / В. М. Мокиенко, Е. И. Зыкова // Вопросы лексикографии, 2019. – № 16. – С. 153–163.
26. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 283 с.
27. Николюкин А. Н. Крыловское слово в устах русских писателей / А. Н. Николюкин // Литературоведческий журнал. – 2019. – № 46. – С. 185–189.
28. Ожегов С. И. О структуре фразеологии / С. И. Ожегов. – 3-е изд. испр. – Москва, – 2020. – 32 с.
29. Правда Е. А. Простые сравнения в баснях И. А. Крылова : смысловые типы / Е. А. Правда // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2023. – С. 460–465.
30. Раманкулов Ш. М. Басни – творческий итог разнообразной литературной деятельности И. А. Крылова / Ш. М. Раманкулов, Д. А. Алимаматова // Вестник Жалал-Абадского государственного университета, 2013. – № 1 (27). – С. 288–292.

31. Раренко М. Б. И. А. Крылов : издатель, переводчик, баснописец / М. Б. Раренко // Литературоведческий журнал, 2019. – № 46. – С. 15–25.
32. Романов Д. А. Чудотворец слова, или Еще раз о стилистике басен И. А. Крылова (К 245-летию со дня рождения писателя) / Д. А. Романов // Русский язык в школе, 2014. – № 11. – С. 39–47.
33. Савченко А. В. Интертекстуальность как характеристика эпохи / А. В. Савченко // II Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции. 12–14 сентября 2000 г. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 155–157.
34. Сидоренко К. П. Цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова в русской речи / К. П. Сидоренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. – Т. 10, № 2. – С. 238–255.
35. Степанов Н. Л. Басни Крылова / Н. Л. Степанов. – 3-е изд. – Москва : Художественная литература, 2020. – 110 с.
36. Столяров А. А. Сенека // Новая философская энциклопедия : в 4 т. ; 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Мысль, 2019. – 2816 с.
37. Травников С. Н. «Случись тут Мухе быть...». Античные, западноевропейские и русские источники индивидуально-авторской интерпретации образа Мухи в баснях И.А. Крылова / С. Н. Травников, Е. Г. Июльская // Русская словесность, 2019. – № 4. – С. 32–39.
38. Трахтенберг Л. А. Басня И. А. Крылова «Леци» и ее французский источник / Л. А. Трахтенберг // Русская литература, 2020. – № 1. – С. 99–102.
39. Халида С. Э. И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога / С. Э. Халида, Ч. Бахаре // Гуманитарный вектор, 2023. – Т. 18, – № 3. – С. 57–66.

40. Чанкаева Т. А. Басни И. А. Крылова как творческое наследие потомкам / Т. А. Чанкаева, В. В. Степанова // Масс-медиа в социокультурном диалоге гуманитарных наук : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, Карачаевск, 22–23 ноября 2018 года. – Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2019. – С. 242–245.

41. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 5-е изд., испр. – Москва : Просвещение, 2019. – 327 с.

42. Шелестова З. А. Басни И. А. Крылова в звучащем слове / З. А. Шелестова // Литература в школе, 2016. – № 3. – С. 36–38.

43. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие // С. Г. Шулежкова. – 3-е изд. – Москва : Азбуковник, 2019. – 286 с.

44. Щербина С. Ю. Дидактическая направленность басни / С. Ю. Щербина // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. – № 2. – С. 138–146.

45. Ядловская Л. Н. Басни И. Крылова в камерно-вокальном и хоровом творчестве А. Гречанинова / Л. Н. Ядловская // Южно-Российский музыкальный альманах, 2022. – № 2 (47). – С. 138–143.